

поголовно задыхаются в смрадной мгле». В «Крыжовнике» нет «замученного средой» героя – герой добивается желанной цели и счастлив. Но до какого «скотоподобия» это доводит: люди сами заедают себя, «малодушно отстраняясь от всякого разумного существования и счастья, ради какого-то никому не нужного и упрямого вздора».

Аналогичный Чехову путь прошли в своем творчестве Мамин-Сибиряк, а также Гаршин, Короленко, Бунин, в то время как писатели другого ряда, как, например, Гнедич, начавший одновременно с Чеховым, как и он, с газетного очерка, остались «фотографами».

В целом, Скабичевский трактовал натурализм как историческую модификацию реализма, который в 1870–1890-е годы трансформировал свою эстетическую природу. Натурализм стал, таким образом, эстетическим открытием времени, как это следует из исследовательско-аналитической логики наблюдений критика, эстетической новацией времени, не отменяющей, а лишь расширяющей возможность художественного метода реализма, по свидетельству современного ученого (См. об этом: Дергачев, 1976, 15).

Выдающиеся творческие достижения Чехова, Мамина-Сибиряка и других писателей конца XIX века не просто связаны с натурализмом, но вырастают из него, как это убедительно показывает критик. Важно отметить и то, что в интерпретациях Скабичевского явление русского художественного натурализма представлено как явление весьма специфическое, не совпадающее с золаистским вариантом натурализма, соприкасающееся с ним лишь в некоторых аспектах.

Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы середины 80-х–90-х годов XIX века // Проблемы типологии реализма. Екатеринбург, 1976.

Новости и биржевая газета. 1884. 4 июля; 1885. 31 янв.; 1886. 11 дек.; 1887. 1 янв.; 5 февр.; 1888. 4 авг.; 15 сент.; 1889. 5 янв.; 1891. 1 янв.; 28 нояб.; 5 дек.; 1892. 9 янв.; 9 нояб.; 5 дек.; 1893. 7 янв.; 18 февр.

Скабичевский А. М. Соч.: В 2 т. СПб., 1895.

Сын Отечества. 1897. 25 апр.; 1898. 11 сент.; 1899. № 349.

Г. К. Щенников

«ВТОРОЙ РЯД» РОМАНОВ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Современному читателю известна лишь половина романов Д. Н. Мамина-Сибиряка, постоянно выходивших в свет в советское и постсоветское время. Это «Приваловские миллионы» (1883), «Горное гнездо» (1884), «Дикое счастье» («Жилка», 1884), «Три конца» (1890), «Золото» (1892), «Черты из жизни Пепко» (1894), «Хлеб» (1895). В собрании сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка в 12 томах под редакцией Е. Боголюбова, изданном в 1948–1951 годах, были

опубликованы еще три романа («Именинник», «Весенние грозы» и «Ранние всходы»), так и оставшиеся не замеченными широким читателем. В 1989 году в Перми был издан роман «Именинник» (1888) с комментариями И. А. Дергачева.

Весь корпус романов писателя публиковался лишь в единственном Полном собрании сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка в 12 томах, вышедших уже после его смерти (1915–1917) в издательстве А. Ф. Маркса. Собрание это было далеко не полным: в частности, в него не вошли первый роман писателя «В водовороте страстей» (1876) и не публиковавшийся до сих пор незавершенный роман «Омут» (1881), прототипом главной героини которого М. К. Останиной была жена Мамина Мария Якимовна Алексеева.

В марксовском издании были собраны следующие романы «второго ряда»: «Бурный поток» («На улице», 1886), «Именинник» (1888), «Весенние грозы» (1893), «Без названия» (1893), «Ранние всходы» (1896), «Общий любимец публики» (1898), «Падающие звезды» (1899).

Невнимание к ним вызвано, по-видимому, не столько тем, что они художественно слабее известнейших шедевров (хотя такое суждение вряд ли справедливо относительно «Весенних гроз» и «Падающих звезд»), сколько отказом от своеобразной уральской проблематики: автор обращается к тематике традиционной – идейным исканиям интеллигенции и ее деградации под властью капитала, нравственному воспитанию молодежи и т. п.

Определяя жанровую специфику романов Д. Н. Мамина-Сибиряка и его место в истории русского романа, крупнейший исследователь творчества писателя И. А. Дергачев обращается именно к романам уральского цикла, замечая, что данные им характеристики лишь частично относятся к остальным. Важнейшей особенностью структуры уральских романов Мамина ученый полагал то, что «... в качестве предмета художественного исследования выступает социально-исторический процесс и его влияние на судьбы героев» (Дергачев, 1974, 67). Этого нельзя сказать о романах «второго ряда», хотя исторический фон ощутим в каждом из них. Эти романы вообще невозможно свести к одному жанровому типу (впрочем, далеко не однотипны и произведения уральского эпоса). Жанровые модификации маминских романов во многом действительно определяются предметом художественного исследования, но предмет этот требует дифференцирующего описания. Непрочитанные потомками Мамина произведения большого эпического жанра с точки зрения предметно-тематической и жанрово-структурной можно разделить, на наш взгляд, на три группы. К первой следует отнести традиционный социально-психологический роман о духовных поисках, упованиях и утратах русской интеллигенции – «Именинник», «Без названия». Последнее произведение определяют еще как роман-утопию, но утопический план был органической частью русского проблемного социально-психологического романа – от «Обломова» И. А. Гончарова до «Что делать» Н. Г. Чернышевского. Вторую группу составляют романы фельетонного склада – «На улице», «Общий любимец публики». Они представляют сатирико-ироническое изображение быта и нравов столичной интеллигенции и провинциальной образованной публики с непременным использованием авантюрных и детективных сюжетных линий. Роман «Общий любимец публики» впервые печатался, так же как типичный роман-фельетон Эжена Сю, небольшими, относительно самостоятельными отрывками в тридцати четырех номерах журнала «Сын Отечества» в

1898 году. Особую группу составляют маминские романы воспитания – «Весенние грозы», «Ранние всходы». К ней относится и известный роман «Черты из жизни Пепко», а также в основной своей части незавершенный роман писателя – «Падающие звезды», посвященный судьбе скульптора, пережившего возрастной творческий кризис. Это значительное произведение с автобиографическим подтекстом не было оценено по достоинству. А. М. Горький по поводу повести «Любовь куклы» и романа «Падающие звезды» писал Н. П. Пятницкому об утрате Маминым «социального чувства» (см.: Горький, XXVIII, 271–274). Роман действительно акцентирует не социальные проблемы (хотя и ставит актуальную в то время проблему меценатства в искусстве), а вопросы эвристические и экзистенциальные: в нем речь идет о закономерностях творческих взлетов и падений, о законах возрастной психологии стареющего художника.

Попытаемся кратко определить специфические особенности каждой группы неизвестных романов и каждого произведения отдельно. Романы Мамина об общественных исканиях интеллигенции отличаются от многих сочинений на эту тему: его герои не просто искатели идей и программ – они деятели, знающие, что делать. В них автор следует общему принципу своего творчества – изображению людей в их повседневной практике. А сама социальная практика, разумеется, новейшая: деятельность губернского земства («Именинник»), эксперименты по созданию артелей равноправных пайщиков («Без названия»). В том и другом произведении отмечена связь этого опыта с общими процессами национальной жизни. Герой романа «Именинник» Павел Васильевич Сажин – человек талантливый и широко мыслящий. Так, вопрос о женской эмансипации он ставит в духе М. Е. Салтыкова-Щедрина, автора «Благонамеренных речей»: дело должно идти не «о ничтожной кучке женщин привилегированного класса», а о правах и свободе всего народа: «...странно ратовать за женский труд, когда русская баба работает как раз вдвое больше русского мужика...» (Мамин-Сибиряк, 1989, 119). Однако сделать что-либо значительное в земстве, возглавляемом им, он не в состоянии. В критической литературе Сажина аттестовали Рудиным – «богатым словом, делом бедным». Но неудачи Сажина вызваны не тем, что он «лишний», а тем, что он «ненужный» – это определение дает себе сам герой. Его демократические новшества (например, введение контроля земской управы за деятельностью врачей, за использованием ими средств, полученных от земства) мгновенно встречают яростное сопротивление, а затем и широкую организованную оппозицию. Не один Сажин, но и другие земцы, настроенные было на серьезную «переделку» старой жизни, вынуждены были оставить земство. А на смену им пришли «кабатчики и волостные писари», т. е. беззастенчивые наживатели и тупые чиновники. И это, по мнению автора, не феномен провинциальной жизни, а процесс общенациональный и постоянный: лишь наступает пора необходимых и решительных преобразований, в России появляется немало ярких талантливых патриотов, но – увы! – успех их, как правило, мимолетный и мнимый, они «именинники» одного дня, вытесняемые уже на другой день «гибкими» и «крутыми» наживателями: «Посмотрите, сколько на Руси толпится совершенно ненужных людей, и притом это не какие-нибудь обсевки, а самые способные и талантливые... Это наше специально-русское явление» (Там же, 236).

Прототипом Сажина был действительно редкий человек – председатель земской управы города Перми Дмитрий Дмитриевич Смышляев: его административная деятельность была высоко оценена прогрессивной прессой, а знаменитый «Пермский сборник», изданный им, был назван Добролюбовым в журнале «Современник» образцовым исследованием края. Несмотря на всероссийское признание, Смышляев вынужден был оставить свою должность раньше окончания последнего выборного срока. Разумеется, нельзя проводить полную аналогию между героем романа – человеком хотя и одаренным, но слабым волей и духом – и его жизненным прототипом. Судьбой своего персонажа, почувствовавшего себя полностью разбитым после того, как пылкая любовь общества к нему сменилась остракизмом и забвением, Мамин утверждал мысль о трагизме «ненужных талантов». Именно этой мыслью оправдан сюжетно неожиданный финал: Сажин кончает жизнь самоубийством накануне открывающегося перед ним «счастливого исхода» – возможности уехать с горячо любимой красавицей и единомышленницей Анной Злобиной; герой предпочитает отъезд туда, «откуда нет возврата», т. е. осознает свою полную неспособность начать новую жизнь. Здесь традиционное для русского романа «испытание любовью» получает необычную модификацию, обнаруживающую и роковой изъян героя, и одновременно нравственную честность и ответственность героя в отношении к любящей его женщине.

Роман «Без названия» изображает социальный эксперимент купца-миллионера Окоемова Василия Тимофеевича, дворянина по происхождению, побывавшего в Америке простым рабочим, задумавшего перенести американскую деловитость на русскую почву так, чтобы направлена она была не на личное обогащение, а на обеспечение страдающих без работы и на процветание Родины. С этой целью он организует артель пайщиков, сообщая распоряжающихся прибавочной стоимостью на разрабатываемых ими золотых приисках (по примеру швейных мастерских Веры Павловны из романа Чернышевского «Что делать?»). На дочерних заводах по производству необходимого оборудования «рабочие, кроме своей заработной платы, получали известный процент с чистого дохода» (Мамин-Сибиряк, 1915–1917, VI, 339; в дальнейшем все ссылки в тексте на это издание будут лишь с указанием тома и страницы).

Окоемов мыслит организованное им производство как опыт, который послужил бы «примером для образования других». В созданной им компании он пытается сочетать принципы коллективизма и личного предпринимательства: «Я убежден, что интеллигентные компании моего типа пойдут рука об руку вот с этим моим общинным хозяйством, пополняя его и давая простор личной инициативе» (VI, 361–362).

Новизна предприятия Окоемова относительна. Опыт подобных артелей уже имелся в России и был описан в книге С. Кривенко «На распутье», так что роман Мамина воспроизводил явление реальное, а не сочиненную автором мыслительную модель. Утопизм же главного героя сказался в убежденности, что его «проба» может стать образцом для широких, повсеместных перемен в системе хозяйствования. «Коммуна» Окоемова могла возникнуть лишь при наличии некоего значительного первоначального капитала, который никогда не смогли бы собрать безработные интеллигенты, ставшие «акционерами». Весь первоначальный капитал (около тридцати тысяч) вложил сам Окоемов. Его поступок – воплощение идеала Д. И. Писа-

рева, мечтавшего о капиталистах как бескорыстных организаторах отечественного производства, каких якобы способен воспитать университет. Знаменитый критик писал: «Если вы дадите этому капиталисту кое-какое смутное полуобразование – он сделается пиявкой. А дайте ему полное, прочное, чисто человеческое образование – и тот же самый капиталист сделается не благодельным филантропом, а мыслящим и расчетливым руководителем народного труда ... во сто раз полезнее всякого филантропа» (Писарев, 1956, III, 125).

Окоемов делает ставку именно на непрестанный рост образованных и совестливых капиталистов, способных заняться предпринимательством ради общего процветания: «Вот я и верю в этот подъем общественной совести, верю в то, что таких совестливых людей сотни тысяч и что их будет все больше и больше. Золотой век, конечно, мечта, но это не мешает нам идти к нему» (VI, 293). Роман «Без названия» – социально-нравственная утопия, но утопия, побуждающая современного читателя не только почувствовать прекрасной мечте интеллигента теперь уже позапрошлого века, но и задуматься над проблемой воспитания по-писаревски «мыслящих и расчетливых организаторов народного труда».

А литературную родословную Окоемова следует возводить не к персонажам романов Н. Ф. Бажина, Н. А. Благовещенского, Д. К. Тирса, Д. Л. Мордовцева, И. В. Омулевского, В. В. Флеровского – исконным и убежденным демократам, производившим «социалистические» опыты в городе и деревне, а к типу «аристократа, идущего в демократию»: он близок таким персонажам, как Константин Левин из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» или «народная княгиня» Варвара Никаноровна Протозанова из романа-хроники Н. С. Лескова «Захудалый род» (см. об этом: Щенников, 1983, 3–21).

Роман-фельетон у Мамина-Сибиряка – это произведение сатирического склада, как и газетный фельетон. В нем писатель обращается к быту и психологии столичных фельетонистов в лице Покатилова (разумеется, вымышленного персонажа), героя романа «Бурный поток» (первоначальное название «На улице»). Да и более широкий, эпический, предмет изображения здесь адекватен постоянному предмету фельетониста: это «текущий» день, повседневность большого города с его непременными сенсациями, интригами, сплетнями, дрязгами – той «злостью дня», которая на устах у среднего, дюжинного человека, не озабоченного ни политикой, ни философией, но жадно интересующегося тем, кто преуспел, а кто разорился или оскандалился. Это жизнь улицы. Мамин в своем романе одним из первых у нас художников воспроизвел диктат толпы, который почти через полвека станет объектом специального исследования знаменитого испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета, написавшего книгу «Восстание масс» (1929–1930), убедительно показавшую засилие т. н. массовой культуры – примитивной культуры толпы.

Мамин в романе «Бурный поток» уже запечатлел своеобразную философию и этику, систему ценностей «улицы»: ее кумиры – богатство и известность, точнее, шумный успех: быть на виду и на слуху, стать своего рода имиджмейкером толпы – вот ее идеал, даже если слава при этом попахивает скандалом. Мамин показал всеисилие улицы: улица «все, что попадает на нее, переделывает по-своему, уличная наука, уличная литература и т. д. Улица на все дает моду, и эта мода безмолвно выполняется всеми, строже

всяких законов... Улица по преимуществу эксплуатирует дурные инстинкты, наши слабости, животную сторону нашего существования» (X, 52). Улица обезличивает человека. Особенно выразительно высказана мысль о выхолащивающем воздействии на людей уличной фельетонной печати: газета «Северное сияние», издаваемая Покатиловым, оказала следующее влияние на ее потребителей: «Читатель хватал на лету эту легкую и удобоваримую пищу, с жадностью проглатывал ее и постепенно усваивал себе фельетонный способ мышления: он в одно прекрасное утро делал приятное открытие, что знает политические тайны разных европейских дворов, и последние слова разных наук, и всякую злобу дня как в столицах, так и в провинциях, а главное, что все это просто, легко, понятно. Столичная улица заражала своим дыханием самую далекую провинцию, где быстро начали входить во вкус чисто уличного мирозерцания» (Там же, 112).

В романе бездуховность идет рука об руку с аморализмом и преступностью. Улица смакует особо эксцентричные формы и виды аморализма. В обществе дельцов и газетчиков царит Сусанна Мороз-Доганская, бывшая воспитанница жены управляющего уральского Заозерского завода Мостова, вышедшая замуж за ее бывшего любовника и затем разорившая своих благодетелей. В обществе она пользуется скандальной известностью как редкая красавица, сумевшая устроить брак *on trois*: с мужем у нее формальный «союз» – сообщая они обирают ее любовника – миллионера-заводчика Теплохова. Пример этой «звезды» заразителен: по ее пути пошли юные Инна, дочь «урожденной княгини», и Юлия, «нежное дитя» Мостовых, цинично предложившая себя Теплохову.

Как в любом романе-фельетоне, сюжет романа «На улице» осложнен любовными перипетиями. Однако в отличие от классических произведений такого жанра – «Парижских тайн» Э. Сю, «Петербургских трущоб» Вс. Крестовского, «Униженных и оскорбленных» Ф. Достоевского, – в которых муки большой любви переживают чистые сердцем люди, противостоящие развратным злодеям, у Мамина нет здесь резкого разделения персонажей на дурных и хороших. И сильные любовные страсти сотрясают у него любимцев «улицы». Эти страсти и являются по своей сути единственным противочувствием-противодействием их мелкому честолюбию и преступному стяжательству. В них выражается непосредственный протест души против лихоимства, лжи и лицемерия. Но страсти не спасают героев «улицы», а напротив, ведут их к житейскому и духовному краху. Покатилов разоряется из-за Сусанны. И сама Сусанна разрушает созданный ею мирок благополучия и «славы» безумной страстью к молодому цинику Чарльзу Зосту. Финал «На улице» звучит как пародия на традиционный *happy-end* фельетонно-сентиментального романа: осужденные за мошенничество, арестанты Покатилов и Мороз-Доганская обвенчались.

В романе «Общий любимец публики» сюжет сатирико-фельетонный (интриги и авантюры, направленные к легкой наживе, расправе с конкурентами, мести) также переплетается с сюжетом мелодраматическим – бурными страстями, разрушающими благополучие и саму жизнь людей. И одни и те же персонажи являются попеременно то злодеями (хищниками, мошенниками), то жертвами непреодолимой любви и собственного коварства.

Главный герой, Николай Сергеевич Матов, блестящий адвокат и душа общества в уездном Сосногорске, общий любимец дам, типичный герой

«улицы», начавший карьеру благодаря большому приданому жены, вульгарной купчихи, которой он изменяет на каждом шагу, неожиданно попадает под суд. Его обвиняют в подложных векселях – и дело его воспринимается как казус: в городе, где такое мелкое плутовство стало повседневым, никого за такие проделки не судят. Но в данном случае процесс вызван личной мстостью завистника прокурора Бережицкого и спровоцировавшей его на возбуждение дела Верой Васильевной Войвод, безумно ревнующей Матова и мстящей ему за охлаждение к ней.

Крах Матова, осужденного на ссылку в Сибирь, заставляет пересмотреть свою жизнь не только самого его, но и людей, близких ему, склоняет к переоценке ценностей. Так, картежный игрок и шулер Войвод, для которого молодая жена его, казалось, была лишь приманкой для партнеров, обнаруживает вдруг настолько сильную любовь к ней, что выражает готовность на жертву, готовность освободить ее. Вера Васильевна хочет ехать за Матовым в Сибирь. Но внезапно пробудившаяся человечность в людях, привыкших жить «уличной» моралью оказывается им не по силам: Вера Васильевна сходит с ума. «Общий любимец публики» – это роман губительных интриг и страстей. Но страсти оказываются сильнее интриг. Это, впрочем, специфические черты романа-фельетона.

Иначе построены романы воспитания «Весенние грозы» и «Ранние всходы». В них стержневой сюжет – этапы духовного становления героинь – Катерины Клепиковой и Марии Честюниной. Обе они из числа тех неординарных женских натур, которые ищут самобытные пути: И. А. Гончаров называл таких женщин «идеальным типом», возводя их литературную генеалогию к Татьяне Лариной. В их историческое время женское самоутверждение было связано с потребностью высшего образования и общественно-полезного труда.

Катя Клепикова по примеру брата поступает в гимназию. Она и ее подруга Люба Печаткина – из бедных чиновничьих семей: родители надеются, что образование поможет детям «выйти в люди». Впрочем, смотрят на это по-разному. На общем семейном торжестве Клепиковых и Печаткиных по поводу поступления в гимназию старших мальчиков Григорий Иванович Печаткин дает следующий наказ молодежи: «Бойтесь не нищеты, а богатства. Деньги – высший соблазн, и они прежде всего убивают в маленьком человеке его гордость, сознание собственного достоинства» (VI, 19). Марфе Даниловне Клепиковой не понравилось это предубеждение против богатства. Но случилось так, что позднее ее сына, Сергея, ставшего адвокатом, деньги действительно развратили: он стал стыдиться бедности отца, женился по расчету на некрасивой и горбатенькой, но богатой девушке, сделался бесчувственным к людям.

Катя и Люба не рвут с родительским домом, не уходят от своего «захолустья», не выражают пренебрежения к нему, как поступали многие известные героини русских романов; напротив, они чувствуют ответственность перед семьей и средой, взрастившей их. Так, Катя, окончив гимназию, начинает давать уроки и обеспечивает семью, получая больше отца.

Нравственная зрелость девушки во многом обеспечена ее религиозностью. В дидактическом романе Мамина утверждается мысль, что образование само по себе не делает человека человеком. Открыто ставится проблема необходимости совмещения светского образования с религиозным воспитанием личности.

В русской литературе на протяжении всего XIX века осуществлялся процесс секуляризации, хотя наша литература никогда не порывала с религиозными корнями, а к концу века все острее осознавалась необходимость сближения, соединения в духовной жизни современников науки и религии (эту идею по-разному выражали учения Вл. Соловьева, Н. Ф. Федорова, К. Н. Леонтьева и др.). В романе «Весенние грозы» мы не видим идеологов христианства, отсутствуют споры о социальной роли религии, зато весьма убедительно показана ничем не заменимая роль религиозной веры в повседневном быту простого человека, при решении им житейских проблем, кажущихся неразрешимыми. Даже в жизни просветителя Григория Ивановича Печаткина посещение церкви становится событием, указавшим ему выход из житейских мытарств.

Примечательно, что в церкви он пережил чувство соборности – единодушия с массой верующих соотечественников:

И везде одно и то же, по всей России, от одного океана до другого. Стомиллионный русский народ несет свое горе и радость вот сюда, и будут читать те же молитвы, будут раздаваться те же церковные мотивы, когда и Григория Ивановича не будет на свете (VI, 32).

И устремленная к Богу душа мгновенно ощутила благодатный ответ – прозрение, что ему надо делать, чтобы избавиться от нищеты. Здесь же в церкви он встретился с богомольцем, попросившим помочь ему в запутанной судебной тяжбе, и понял, что его сможет выручить работа в качестве частного поверенного.

Религия – неотъемлемый элемент быта и сознания Кати и Любы. Катя любила ходить в монастырскую церковь, усердно молилась «хорошей детской молитвой» (Там же, 39). А монахини принимают большое участие в судьбах бедных и талантливых детей.

Путь народной учительницы, выбранный Катериной, был предопределен традицией гимназического женского образования, но то, что ее учительская служба становится для девушки истинным служением народу, сопряженным с самопожертвованием, – результат ее собственного духовного и нравственного возмужания. В финале жених ее, бывший гимназический учитель, а теперь инспектор народных училищ Огнев, поднимая тост за «нашу русскую женщину», дает высокую оценку Катерине как героине повседневного быта:

... Одно знание еще не дает всего человека – нужны отзывчивые сердца, нравственные устои, строгая выдержка характера, готовность к самопожертвованию. Вот именно эти последние качества особенно дороги мне в новой русской женщине, в них залог светлого будущего, и за них я поднимаю свой бокал... В русской женщине есть высокий женский героизм (Там же, 184).

Но прежде чем прийти к этому финалу, Катерине Клепиковой приходится многое пережить, и острее всего – драму обманутой первой любви, измену любимого Григория Печаткина-младшего. Оскорбленной девушке хватает силы на то, чтобы стать поддержкой для своей «разлучницы» Людмилы Григорьевны, жены Григория, брак которой оказался несчастным.

Постоянной нравственной стойкостью, выдержкой и самопожертвованием Катерина Клепикова выстрадала свое счастье.

Иначе складывается судьба героини романа «Ранние всходы» Маши Честюниной, приехавшей из далекого уездного городка Суzumья в Петербург на женские медицинские курсы. Роман запечатлел замечательный момент в истории женской эмансипации и высшего образования в России – энтузиазм первых слушательниц специальных женских курсов, их благоговейное отношение к науке и к лекциям профессоров. В громадной аудитории, где собиралось до полутораста новеньких студенток, преобладал один тип – «беззаветная труженица, которая несла сюда все, что ей было дорого» (VII, 219).

Роман, написанный в период начавшегося общественного подъема (1896), отразил и сомнения интеллигенции в пользу науки, стоящей далеко от народа, – об этом писал тогда Л. Н. Толстой. Жених Маши, Андрей Нестеров, оставшийся в Суzumье, пишет ей, что «наука хороша только тогда, когда она освещена деятельной любовью к людям», что «последнее слово от этого дорогого хлеба науки достается только богатым, а бедные живут без всякой медицины», что «не в столице, а в провинции нужны более всего интеллигентные честные деятели» (Там же, 238–239). По-видимому, эти сомнения в значительной степени определили конечный выбор девушки, о котором говорится в финале и который мог показаться неожиданным читателю: Честюнина все же предпочла «серенькую», но нужную народу службу в земстве родного города академическим успехам и научным перспективам. Такой поворот от безоглядной веры в просвещение и науку к признанию первостепенной значимости «живой жизни» в родной провинции совершился десятилетием раньше в сознании самого Д. Н. Мамина, вернувшегося на Урал, так и не закончив учебы в Петербурге.

Но в романе «Ранние всходы» духовный перелом происходит в жизни женщины и обусловлен крахом в сфере личной, интимной. Маша Честюнина, как всякая девушка, жила упованием на счастье не только в труде, но и в любви. Встречи с петербургскими студентами вызвали разочарование в «недалеком» женихе Андрее, и Маше было совестно, что она разлюбила его.

Первый же студенческий роман принес не счастье, а ощущение потери себя и «безумия». Ее сближение со студентом Жиличко произошло «с поразительной быстротой» и заставило забыть обо всем... Безоглядное увлечение могло окончиться драмой, не вмешайся дядя, крупный петербургский чиновник, увезший племянницу против ее воли в Павловск, где недели через две Маша призналась: «Дядя, знаешь... кажется, я начинаю просыпаться» (I, 242). Жиличко с тех пор исчез.

Затем было серьезное увлечение доцентом Сергеем Петровичем Брусницыным, который, однако, сам увлекся ее взбалмошной и уже замужней кузиной Катей. В любовных отношениях близких ей людей Честюнина видела одно – стихию, игру непонятных, иррациональных сил, сводящих друг с другом совсем непохожих людей – таких, например, как предельно «организованная» «чучелка» Елена Петровна Брусницына и шалопай Эжен Анохин. Больше всего подавила ее история кузины Кати, ставшей женой бездарного актера, который разорил ее и довел до самоубийства. Судьба Кати привела Машу к следующему убеждению:

По-моему, нет ничего печальнее на свете, как эта хваленая любовь... Обиднее всего то, что это все-таки самый решительный момент в жизни каждого, и именно в такой решительный момент человек теряет и душевное настроение, и самообладание и вообще делается немняемым. Когда я встречаю любовную парочку, мне делается вперед больно (VII, 284).

Со смертью Кати Мария Честюнина похоронила все мечты о любви и замужестве.

Проблема любви и брака в этом романе до некоторой степени созвучна постановке их в другом замечательном произведении писателя, отражающем его собственный опыт студенческих лет, – «Черты из жизни Пепко», где Мамин показывает пагубность подмены больших и глубоких чувств их временным суррогатом – скороспелыми увлечениями, возникающими оттого, что молодой человек «и жить торопится, и чувствовать спешит».

Но есть в «Ранних всходах» нечто и от позднего опыта писателя, от пессимизма человека, пережившего на склоне лет смерть горячо любимой жены. В этом убеждает проблематика последнего романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Падающие звезды».

Это роман о стареющем петербургском скульпторе Егоре Захаровиче Будгарде, переживающем попеременно душевно-духовные взлеты и падения. Он вдовец, живущий с дочерью-подростком Анитой – некрасивой (лицо испорчено оспой), болезненной и очень умной девочкой, воспитываемой гувернанткой мисс Гуд. Будгард способен еще на создание значительных произведений: таковы находящиеся в его мастерской скульптурные композиции – «О. Сергей Радонежский, благословляющий Дмитрия Донского», «Гамлет», портрет стареющей актрисы Ольги Спиридоновны и др., вызывающие живой интерес и даже восторг немногих зрителей и зависть профессионалов. Но он уже осознает начинающееся творческое падение – неспособность завершить свои творения.

Он способен еще и на сильные любовные переживания – страстно увлечен глухонемой красавицей мисс Мортон, одной из «фавориток» мецената Красавина. Позднее герой сам оценит это увлечение как наваждение, «тяжелый сон» души. Но это увлечение не случайно. Скульптор постоянно ищет высшую духовную красоту, проявляющуюся во внешних формах, в пластике человеческого тела. Этим объясняется его странный портрет уже некрасивой Ольги Спиридоновны. Будгард так разъясняет свой замысел:

В жизни каждой хорошенькой женщины наступает такой момент, когда дух красоты, привлекавший мужчин, ее оставляет, а форма еще остается. Она еще не успела состариться, линии еще умирающей красоты живы, но уже начинается омертвление... Уловить именно этот момент умирающей красоты, фиксировать ее – громадная задача (XI, 20).

В романе сквозной проблемой являются соотношения внешней и внутренней красоты человека. Анита уже по-взрослому страдает от своей некрасивости, и друг Будгарда Шипидин, единственный безупречный герой в романе, доказывает девочке, что внешняя красота – несчастье, т. к. побуждает красивого человека «реализовывать только одну свою красоту», мешает его внутренней человеческой самореализации (см.: Там же, 47). И Будгард, несмотря на свой огромный опыт и творческую интуицию, не сразу заметил отсутствие в блистательной мисс Мортон настоящей красоты и, с другой стороны, не сразу оценил духовное совершенство своего давнего друга – любящей его актрисы Марины Игнатьевны Бачульской – единственной женщины, способной внести в сознание художника, пережившего ценностный и творческий кризис, покой и примирение с новой жизнью. В этом романе, как и в «Ранних всходах», ставится проблема иррациональности сильных эмоциональных порывов, губительно действующая

щих на людей – не только любви, сводящей с ума, но и ненависти к другому. Будгард размышляет о своей ненависти к меценату Красавину:

Когда человек ненавидит другого человека – разве это не трагедия? Именно ненависть сужает душевный горизонт до последней степени, и человек гибнет под напором своего собственного душевного настроения (XI, 119).

В последнем своем романе, как и в других эпических полотнах «второго ряда», писатель выражает глубокую веру в силу человеческого разума, просветленного идеалом и способного преодолеть все душевные «затмения», и в спасительную силу самоотверженной любви.

Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954.

Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в истории русского романа // Русская литература 1870-1890-х годов. Сб. 6. Свердловск, 1974.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Именинник. Пермь, 1989.

Мамин – Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Пг., 1915–1917.

Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1956.

Щенников Г. К. Характеры «лучших людей» из дворян в русской прозе 1870-х годов // Русская литература 1870–1890-х годов: Проблемы характера. Свердловск, 1983.

Л. М. Шайхинурова

СОЦИАЛЬНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО И «ИРОНИЯ СУДЬБЫ» В РОМАНЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ПРИВАЛОВСКИЕ МИЛЛИОНЫ»

Роман «Приваловские миллионы», завершённый Д. Н. Маминым-Сибиряком 2 сентября 1883 года, имеет богатую, продолжением в девять лет, творческую историю. Идея написать трилогию о главных эпохах уральской жизни с подчеркнuto эпическим названием («Каменный пояс») материализуется под пером художника лишь в виде третьей части – романа «о последнем представителе некогда сильного рода, прошедшего и взлет, и падение» (см.: Дергачев, 1981, 73). Необходимо подчеркнуть, что ни одно произведение Д. Н. Мамина-Сибиряка не потребовало столь напряжённого труда и не подвергалось столь многочисленным переделкам, как роман «Приваловские миллионы», ни одно из последующих творений не вызывало столь пестрой гаммы эмоций у их создателя: от всепоглощающего чувства творческой радости до гнетущих настроений «проваливающегося» неудачника.